

В это время отправляться на Сяншань — даже для обычного человека это звучит странно. Однако водитель Старина Гэ, которого Чэн Фэнтай привёз с собой из Шанхая, давно привык к причудам своего хозяина. Сяншань — это ещё близко, но даже если бы ему приказали сделать крюк до Баодина, он бы не удивился.

Поправив козырек кепки, Гэ спокойно завёл машину. Шан Сижуй же внутренне напрягся, подумав, не из-за ли вчерашнего вторжения в дом Чэн Мэйсинь решила избавиться от него, послав своего брата, чтобы разобраться раз и навсегда? Но, подумав, он отбросил эту мысль. Чэн Фэнтай — человек высокого положения, если бы она хотела его убить, зачем бы ей самой вмешиваться? Если же это из-за скандала на празднике полной луны, то зачем было приходить среди ночи с выговором? Это слишком уж мелко. Или, может, есть что-то ещё? Нет, не может быть! Между ним и Чэн Фэнтаем не было ничего, кроме шуток.

На самом деле Чэн Фэнтай просто хотел найти уединённое место для разговора, опасаясь, что Шан Сижуй может устроить сцену. В городе, посреди ночи, с криками и руганью, это выглядело бы некрасиво.

Машина ехала больше часа в холодную ночь, пока они не добрались до подножия Сяншаня. Чэн Фэнтай приказал Гэ включить фары и следовать за ними, а сам с Шан Сижуйем встал в свете фар, медленно прогуливаясь и разговаривая. В этой кромешной тьме, среди зарослей сорняков, два ярких луча света освещали их фигуры, а перед ними тянулась бесконечная дорога. Картина была довольно жуткой. Шан Сижуй не испугался, наоборот, он был крайне любопытен, затаив дыхание в ожидании слов Чэн Фэнтая.

— То, что я сейчас скажу, может показаться слишком откровенным для наших неблизких отношений. Но я надеюсь, что господин Шан удостоит меня внимания, — начал Чэн Фэнтай.

Шан Сижуй, привыкший к шутливому тону Чэн Фэнтая, сейчас, видя его серьёзность, нашёл это забавным. Сдерживая улыбку, он ответил:

— Пожалуйста, господин Чэн, говорите.

Это была фраза из театральной пьесы.

Чэн Фэнтай начал свою речь.

Его длинный монолог сводился к нескольким пунктам. Во-первых, прошлое нужно оставить в прошлом. Постоянное возвращение к старым обидам вредит и себе, и другим, и это недостойно настоящего мужчины. Мужчина должен смотреть вперёд, а не заикливаться на любовных переживаниях. Во-вторых, он надеялся, что господин Шан вспомнит старую дружбу и доброту. Девушка Мэнпин когда-то заботилась о своём младшем брате, а теперь, став замужней женщиной, она счастлива, и лучше оставить всё как есть. Продолжать нападать на них при любой возможности — это низко и недостойно, это поступок подлеца. В-третьих, он посоветовал ему занять правильную позицию. Даже если Мэнпин была его неродной старшей сестрой, даже если бы они были родными братом и сестрой, многие, повзрослев, расстаются ради любимых. Мэнпин испытывала к нему родственные чувства, а к Чан Чжисиню — любовь.

Как можно сравнивать эти два чувства? Как младший брат, он не имеет права вмешиваться в личную жизнь сестры, это выходит за рамки допустимого.

Шан Сижуй молча слушал, улыбка на его лице постепенно исчезала, голова опустилась, а чёлка скрыла его глаза. Чэн Фэнтай подумал, что, возможно, ему тяжело это слышать, но это необходимо. Эта ситуация давно назрела, и нужно было дать ему резкий удар, чтобы он очнулся. Однако Шан Сижуй не проявлял никакой реакции, не похоже, чтобы он был потрясён или готов измениться. Чэн Фэнтай, человек вспыльчивый, начал говорить всё жёстче, его слова стали звучать как оскорбления. Говоря это, он и сам чувствовал, что перегибает палку, но ждал, что Шан Сижуй, как говорили, взбесится от таких слов. Он думал, что даже если не сможет его вразумить, то хотя бы, когда тот начнёт буйствовать, выкинет его обратно в город и больше не будет иметь с ним дела. Этот выговор станет актом справедливости, отмщением за друга.

Чэн Фэнтай продолжал говорить ещё три четверти часа, пока у него не пересохло в горле и не закончились слова. Ночь на Сяншане была холодной, настолько, что земля покрылась инеем, хотя снег ещё не выпал. Чэн Фэнтай засунул руки в карманы пальто, втянул голову в плечи и, недовольный отношением Шан Сижуй, добавил ещё несколько критических замечаний. Когда он закончил свою заготовленную речь, импровизированные добавления и все обвинения, Шан Сижуй всё ещё стоял с опущенной головой, медленно потирая подбородок о шарф, будто о чём-то размышляя.

— Эй! Говори! — крикнул Чэн Фэнтай.

Шан Сижуй поднял голову и усталым, мягким голосом произнёс:

— Нет. Господин Чэн, всё не так.

— Что?

— Та женщина изначально была с моим названным братом, но потом бросила его ради Чан Чжисиня. У Чан Чжисиня тогда уже была жена, и не та, которую ему нашли в семье, а та, которую он сам выбрал. Если он смог бросить свою жену ради этой женщины, то сможет бросить и её ради другой любовницы... Богатые молодые господа — все бессердечные негодяи.

Чэн Фэнтай задумался. Та женщина — это Цзян Мэнпин, а «Чан Чжисинь» — это прозвище, которое придумал Шан Сижуй. Этот артист был слишком по-детски обидчив, чтобы даже называть его по имени. Но последняя фраза Чэн Фэнтаю не понравилась. Что значит, богатые молодые господа — бессердечные негодяи? Это он, что ли, кого имеет в виду?

— Они тайно встречались за моей спиной, я был так зол, но даже не сказал ей ни одного резкого слова. Я всегда говорил с ней мягко и нежно... А она? Ей надоело, и она сказала, что я для неё никто, что ей не нужно моё мнение, что моё горе — это моя собственная вина.

Чэн Фэнтай остановился, глядя на него. Это совсем не похоже на слова, которые могла бы

сказать Цзян Мэнпин. Шан Сижуй продолжал идти вперёд.

— Как я могу быть никем? Я бы за неё умер! Зачем мне соперничать с Чан Чжисинем? Потому что она дала мне обещание. Она сказала, что я всегда буду самым важным человеком в её жизни, что никто не сможет занять моё место в её сердце, что мы связаны кровными узами и никогда не расстанемся. Но вскоре после этих слов она сошлась с Чан Чжисинем. Она сказала, что всё это было обманом! Десять лет нашей близости не стоили и трёх месяцев её отношений с Чан Чжисинем! Зачем она обещала то, что не могла выполнить? Она обманула меня... Я был таким дураком, что поверил ей...

Чэн Фэнтай шёл за ним, глядя на его спину, и дрожал от слов «я бы за неё умер». У Чэн Фэнтай было три сестры и трое детей, все они были ему дороги, но даже ради своей любимой Чача'эр он не мог сказать, что готов умереть. Помолчав, он почувствовал, что теперь глубоко понимает Шан Сижую. Для него все человеческие отношения были пустым звуком, он никогда не понимал их. Он думал только о своих чувствах. Он вырывал своё сердце и отдавал его кому-то, а если тот человек не мог удержать его и разбивал, он сходил с ума.

— Она действительно дала тебе обещание. Но само это обещание противоречит здравому смыслу и человеческим отношениям. Как ты мог требовать от неё его выполнения?

— Почему оно противоречит? Почему наши чувства должны уступать место этой жалкой любви между мужчиной и женщиной? Мы были близкими друзьями! Дружба — это самое ценное!

Чэн Фэнтай действительно рассмеялся. Шан Сижуй, такой наивный юноша, мог бы быть младшим братом или сыном, но другом... что-то в этом было неправильно, в целом всё было неправильно. Цзян Мэнпин казалась чувствительной, романтичной женщиной, а Шан Сижуй был весёлым и беззаботным, как он мог понять её тонкие переживания?

— Хорошо, допустим, дружба выше любви. Но сейчас получается, что ты считал её своим другом, а она — нет, она считает Чан Чжисиня более близким. Это не её вина, это ты не смог завоевать её дружбу!

Шан Сижуй упрямо ответил:

— Тогда она не должна была давать мне обещание. Если она пообещала, то должна была выполнить! А раз не выполнила, я буду скандалить!

Чэн Фэнтай уже не мог с ним спорить:

— Но... ты же не мог нанимать хулиганов, чтобы запугивать Цзян Мэнпин. Вы же были как брат и сестра, это же...

Шан Сижуй, сдавленным голосом, капризно сказал:

— Я только хотел её напугать, я бы не сделал ей ничего плохого, не бил же я её, просто

напугал, это же не страшно...

Его тон был настолько детским, что Чэн Фэнтай не смог сдержать улыбки, но всё же отругал его:

— Разве можно так пугать женщину? И ещё, посылать солдат разгромить её театральную площадку — это тоже просто запугивание? Ты лишил её средств к существованию.

Шан Сижуй обернулся, глядя на Чэн Фэнтая с удивлением:

— Каких солдат? У меня нет солдат.

Он замолчал, подумал и понял.

<http://bllate.org/book/15435/1368567>